

Оборотень

Случилось это в чудную январскую ночь. Мы с Тамаркой засиделись у бабушки. И хоть давно уже отогрелись с мороза, напились чая со смородиновым листом и отведали горячих шанег, медлили уходить. А время подкрадывалось к полуночи.

– Подзадержались мы, – наконец важно изрекла Томка. – Дома заждались, а идти-то не близко.

– Баба Паша, пойдем мы уже, наверно, – поддержала я подругу.

Старушка оставляла нас ночевать, но Тома вспомнила о каком-то замечательном фильме по второму каналу. Смотреть фильм на черно-белом стареньком экране казалось совершенно недопустимым, ведь Тамаркин отец недавно привез из города современный цветной телевизор.

– Ну, ступайте, девоньки, коли надумали. Вдвоем-то вам и не так страшно будет.

– А чего ж в своем селе бояться? – искренне удивилась Тома.

– Так ведь и не только от людей можно страху натерпеться. Нам еще старые люди сказывали, что на Святки из земли всякая нечисть выходит. Сейчас самые такие дни наступили. Вот в прошлый год у запруды как раз в Крещенскую ночь Семён Ефимов свинью видал. На задних копытцах бежала напрямик к Воробьиной избе.

Все в нашем селе знали, что старехонькая бабка Клавдия Воробьева – настоящая колдунья, или знахарка, как называли её соседушки, возрастом всего на десяток лет помоложе самой Клавдии. Поговаривали, что бабка и змея из петушиного яйца выпаривала, и сама каждый год на Святки оборачивалась свиньёй, бегала по деревне, передними копытцами в окна стучала, пугала добрых людей.

– Да, ничего, Прасковья Ильинична, мы с Тамарой смелые, – робко вставляю я, вспомнив, что путь наш лежит как раз мимо запруды.

– Баба Паша, а может, вы нам средство какое-нибудь защитное подскажите, вдруг и впрямь на пути что недоброе встретим, – попросила Тамара.

– Ну что ж, дам я вам средство самое верное, еще дед Мирон мне его рекомендовал, а уж шибко «знаткой» был старче. Особенно хорошо от оборотней помогает.

Добрая старушка вынесла из чуланчика двухлитровую банку с какой-то мутной жидкостью, на дне банки плавала неприятная на вид студенистая масса.

– Встретится вам на дороге оборотень, мохнатый да горбатый, так вы зелье моё на него выплесните да сразу и прыгайте сверху. Тут он враз присмиреет, как самая послушная овечка. А коли не пригодится вам моё средство, то ты, Тамара, банку эту матери отдашь, я давно уж Татьяне обещала.

Через пару минут мы с Томой стояли на крылечке, всматриваясь в темный силуэт огромного тополя в соседском палисаднике. Однако вскоре настороженность покинула нас, и мы, подшучивая друг над дружкой, заспешили домой. Жили-то мы с Томой по соседству на другом конце села. Тишина стояла на деревенских улицах. Только кое-где лаяли потревоженные собаки, да поскрипывал под ногами снежок. Тома даже запела было тихонько, запрокинув голову к иссиня-черному небу, усеянному серебряными кляксами звезд.

Но успокоились мы, похуже, слишком рано. Когда проходили по мосточку возле запруды, в особенно тёмном месте, мне послышался в кустах подозрительный шум. Не сговариваясь, мы остановились как вкопанные. Так и есть, кто-то шумно продирался по сугробам сквозь заросли ивняка и вот-вот должен был показаться на тропинке перед нами. Тамара ойкнула от страха и чуть было не выронила из рук банку бабы Паши. И тут прямо на нас из темноты выкатилось странное существо со спутанной лохматой шерстью. Но я всё же не растерялась — одним махом сорвала крышку и выплеснула заветное зелье на оборотня. Томка взвизгнула и прыгнула на этого нечистого сверху. Мне пришлось помогать подружке, потому что оборотень явно не торопился присмиреть. Существо под нами сопело, хрюкало и даже всхлипывало. Но мы решили начисто отбить у него охоту пугать девчонок. Вдвоём что есть мочи стали мы его колотить. Особенно старалась осмелевшая вдруг Тома, ей пришло в голову вытрепать у этого жалкого оборотня его мохнатые уши. Тамара силой рванула шерсть у него на голове и... Мамочка моя! Что мы увидели! Из-под мохнатой шапки-ушанки на нас таращились испуганные глазенки Саньки Кушманова. Я ахнула и метнулась прочь, пораженная страшной догадкой. Тома не отставала от меня, и с громкими криками мы помчались к дому.

Вскоре, согрившись в тёплой комнате, мы наперебой рассказывали родителям о встрече с оборотнем. Тётя Таня, правда, рассказу нашему не очень поверила, да ещё и поворчала за разбитую банку с чайным грибом. Говорят, хорошее средство для повышения иммунитета, но у бабы Паши, наверное, сохранились ещё кусочки, поделится ими ещё раз.

На следующее же утро наш одноклассник Санька Кушманов с упоением рассказывал пацанам о двух ведьмах, которые сперва облили его какой-то дрянью, а потом скакали на нём по всему селу. Дружки верили, уважительно поглядывая на помятого рассказчика. Особенно впечатляли следы выдранной шерсти из его полушубка и растрёпанная шапка.

А старёхонькая бабка Клавдия Воробыха, поговаривали, после Святка совсем слегла, до весны из своей избушки не вылазила. «Годы уж мои не те», — жаловалась она правнучке, что приносила ей продукты, — Попробуй-ка в девяносто лет на задних копытцах побегать».

Любящее сердце

Лил холодный осенний дождь. Мелкие капли его, словно маленькие стрелы, больно кололи шею, попадая за шиворот. Я бродил по пустым улицам города уже довольно давно и промок насквозь. Злое чувство, выгнавшее меня из дома, теперь проходило, и лишь пресловутая гордость мешала вернуться. К тому же я знал, что она уже начала беспокоиться, и хотел еще немного ее помучить. А перед глазами вдруг встали котлеты — поджарившиеся, ароматные котлеты с мягкими кольцами лука. Котлеты она всегда делает замечательно, а я ведь ничего не ел с самого утра. И обидней всего, даже не мог теперь вспомнить, с чего мы опять начали ссориться. Может, с моего замечания, что её новая дорогая блузка ей не идёт. А может, оттого, что наши выходные опять не совпадают, я должен уехать из города в субботу. Странно, каким все это глупым казался теперь.

Впереди показалась озябшая аллея, совсем стемнело, и дождь поредел. Я медленно направился вглубь старого парка, мне было всё равно куда идти. За кустами просматривались контуры одинокой, чёрной от дождя

скамьи, и я зачем-то решил подойти к ней. Приблизившись, я увидел фигуру человека, сидевшего прямо на мокрых досках. Мне вовсе не хотелось заводить беседу, да и привычное чувство осторожности городского жителя давало о себе знать. Но человек вдруг поднял голову и тихо промолвил: «О, прошу вас, не бойтесь нарушить моё одиночество. Напротив, сейчас я так хотел бы с кем-то поговорить». Тон его голоса, да и сама фраза показались мне несколько высокопарными, но я машинально подошел ближе и теперь смог лучше рассмотреть этого странного незнакомца. Да, он и впрямь показался мне странным. Худая, сгорбленная фигура. Растрепанные длинные волосы шевелились на слабом ветерке, словно живые. Даже тонкие высохшие руки, казалось, слегка покачиваются в такт ветру. На человеке был какой-то длинный балахон, спадавший вниз широкими складками. Впрочем, на бездомного бродягу он вовсе не был похож. Я еще подумал тогда, что он выглядит, как приверженец какой-то религиозной секты или как вечно несчастный непризнанный поэт. И даже сам его голос напоминал мне шелест сухих осенних листьев под ногами. Я не рискнул сесть на мокрую скамью и просто встал рядом. А странный человек вдруг привстал и, обратив ко мне бледное лицо, снова произнес: «Вам, верно, хочется узнать, кто я. Что ж, давайте знакомиться. Я – летний ветер». О, да мой случайный знакомый немного не в себе. Правда, уходить мне уже не хотелось, я зачем-то решил подыграть ему.

– Очень рад встретиться с вами. А я – человек.

Именно так, по-моему, следовало представляться летним ветрам. После такого своеобразного знакомства молчание затянулось, и я, не желая мёрзнуть и мокнуть зря, спросил как можно участливей: «Вид у вас грустный, похоже, вы чем-то расстроены?» Не очень-то рассчитывая услышать ответ, приготовился было откланяться, как вдруг услышал: «Не знаю, поймёте ли вы меня. Видите ли... я не умею любить. И хочу любить, отчаянно хочу любить при этом».

«Знаете, – продолжил он свой рассказ. – Раньше я всегда считал, что любовь – это одно только счастье, на то она и любовь. И не слушал Старые Качели. Вы ведь знаете, конечно, Старые Качели?»

А кто же не знал их в нашем маленьком городе? Раньше Старые Качели стояли в самом центре городского парка – два высоких железных столба сверху соединялись массивной переключиной, через которую были перекинута две толстые железные цепи. На цепях в полуметре от земли лежала огромная доска. Днем на качелях всегда было множество ребятишек самых разных возрастов, а вечером романтичные юноши назначали здесь встречи дамам своего сердца. Но вот уже почти год качели были разобраны и свезены на окраину городка. На их месте появился новый аттракцион – красочная карусель с лошадками.

– Я частенько навещал Старые Качели в парке, тёплыми летними ночами раскачивал огромные цепи и посмеивался над скрипучими предостережениями. А ведь Качели – мои старые друзья, давних друзей следовало бы побережь.

– Тоскливо у меня на душе сейчас, но было время, когда я считал себя самым счастливым на свете. Я был очень молод и беспечен тогда. Мне нравилось пролетать вечерами по вашему шумному городу. Нравилось заглядывать в окна стареньких пятиэтажек, трепать волосы и одежды людей, рассыпать по улицам тополиный пух.

То был разгар лета. И тогда я полюбил впервые. Однажды в полдень я пролетал над зеленым лесом неподалеку от города. Воздух, полный ароматов луговых трав, меня пьянил, и я решил отдохнуть на приглянувшей-

ся мне лесной поляне. Тогда я был хорош. На моей шее висели гириланды полевых цветов и свежие берёзовых листьев. Это сейчас дни мои истекают и наряд мой скучен и сер, а летом я носил шлейф из цветных крылышек бабочек, а волосы переплетал мягкими перышками из птичьих гнезд, украшал бисеринами воды из ручья. Это сейчас веет плесенью от моих волос, а тогда... Но что горевать, за летом всегда подкрадывается осень, о ней я совсем не думал.

Итак, я был хорош, но Лесная Поляна оказалась мне несравненной красавицей. И я полюбил её со всей своей молодой силой. Как трепетали в моих ласковых руках точёные листья её берез, как покорно густые травы сплетали мне уютное ложе. Поляна выслушала мои страстные речи и позволила прилетать. Светлыми июльскими вечерами я шептал Поляне о дивной прелести её, об изяществе стрекоз, о прохладе маленького ручейка. Я вторил посвистам птиц, трепал зелёные гривки осинки, но они вовсе не сердились на меня за это. Они знали – на то я и ветер, чтобы тревожить покой их гибких веточек. И вот я уже и на день не мог расстаться со своей любимой. Я засыпал в её нежных объятиях и каждое утро будил мою красавицу поцелуями. То были для нас самые лучшие дни.

Однажды в гости к нам залетел соловей. Он показался мне столь скромным и вежливым, что я сразу решил подружиться с ним. Озаряемая лунным светом Поляна была особенно прекрасна, и я, слушая соловьиные трели, мечтал о вечном лете, где мы всегда были бы вместе. Но как-то ночью Поляна прервала мой шепот, когда соловушка пел в её честь дивную арию.

– Потихе, друг мой, ведь сегодня последняя песня! Наступает время забот.

Но я едва дослушал её. В первый раз сердца моего коснулась тревога – я вспомнил, какой равнодушной ко мне стала Поляна в последние дни. И вот сейчас она велела мне умолкнуть, раз пел её любимец. Она, так прежде ценившая наши беседы! Что же, мой голос ведь так невзрачен по сравнению с руладами маленькой птички.

И тогда, полный ревности и злобы, я улетел к Старым Качелям и долго мучил их, раскачивая ржавые цепи.

– Да не шуми так, глупый, – наконец, взмолились они. – Понимаешь, весна прошла и лето уже проходит, а столько еще нужно успеть... Все меняется, и никто не может оставаться таким как прежде. Нужно принять и смириться ... или уйти.

И я покинул Поляну, я перебрался в город. Я стал завсегдатаем городских парков и площадей. По утрам насмехался над дворниками, расшвыривая мусор по мостовым, задирали тонкие платья девчонкам на автобусных остановках, развлекался с дымом из толстых полосатых труб ТЭЦ. Давно уже я вынул из волос сухие цветы, что подарила мне когда-то Поляна, оторвал июньские звезды с моего плаща, я плакал вместе с городскими дождями и не мог простить...

Однажды, высоко в небе, среди пасмурных туч сентября встретился мне мой непоседливый дядька – Странник Вихрь. И его я попросил помочь в моей мести.

– Слетай в рощу, накажи изменницу, покажи ей всю силу и страсть нашего рода.

Лестными эти слова показались Вихрю, и с радостным воем он взвился вверх. Совсем почернело небо, полетели сухие листья, подняли воротники прохожие, но все тяжелей было в моей груди.

– Глухой, глухой ветер, – с усилием прокрипели Старые Качели. – Разве могло так поступить преданное сердце. Видно, самолюбия и гордости в тебе больше, чем любви.

Это были их последние слова, но тогда я ещё не знал, что на следующий день придут в парк люди в спецовках, подъедет большая машина, и качели разберут на дерево и железо. И тогда я ещё не понимал, что потеряю единственного друга, который всегда мог выслушать меня, понять мятущуюся мою душу.

И я полетел к моей Поляне. Но незнакомая, пугающая картина предстала моим глазам. Голые сучья деревьев сиротливо чернели на фоне мутного неба, сухие скелетики трав окружали ручеек, почти засыпанный ржавыми листьями. Растрепанное птичье гнездышко лежало в куче хвороста под деревьями. Тишина стояла вокруг. В недоумении искал я прежнюю красоту моей Поляны и не понимал, что здесь могло пленить меня раньше. Одинокое мне сейчас и тоскливо – много дней неприкаянно мотаюсь я по серому городу и не могу найти утешенье. Прежние забавы наскучили мне, а выдумывать новые нет ни желания, ни сил.

Мой странный рассказчик умолк, и я молчал тоже, смотрел себе под ноги, шевелил носком грязного ботинка пустую баночку «Балтики», выкатившуюся из-под скамьи. Когда же, наконец, я решился поднять голову и пробормотать несколько банальных фраз в утешение, то увидел, что рядом никого уже нет. И тут повеяло вдруг чем-то теплым, летним, родным... Легкий порыв ветра коснулся моего лица, и всё стихло. Дождь давно кончился.

Я торопливо шёл по темным, мокрым улицам города – я шёл домой. Фонари провожали меня безразличными невидящими взглядами, припозднившийся прохожий спросил сигарет – я ничего не слышал. Я шёл домой. Меня ждали котлеты, теперь уже, конечно, остывшие, но что это для человека, который не ел с самого утра. И меня ждала она. Я увидел свет ночника в нашей спальне, заметил её силуэт за задернутой тонкой шторой. Я готовился рассказать ей удивительную историю, приключившуюся со мной сегодня.

Я знал, что она будет слушать меня с широко раскрытыми глазами, будет ловить каждое слово, прижавшись ко мне, а потом скажет: «Ну, как ты не понял! Это же был самый настоящий летний ветер. Сейчас он понёс печаль свою в тёплые страны, а на будущий год непременно вернётся, чтобы снова любить и радоваться жизни».